

Научная статья

УДК 504.062(091)(571.122)

<https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-4-12>

## Государственная политика по освоению биологических ресурсов Югры в 1960–1975 годы

**Евгений Ильич Гололобов**

Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Россия

[gololobov.eig@yandex.ru](mailto:gololobov.eig@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0002-4512-2461>

**Аннотация.** Цель статьи – на примере экологической истории Югры в XX веке показать процесс освоения природных ресурсов как столкновение традиционной и модернизационной моделей освоения Севера Сибири. Для реализации поставленной цели использовались методы исторического исследования, источниковедческого анализа и синтеза.

Доказано, что наиболее активно этот процесс протекал на Севере Западной Сибири, в частности на территории Югры в 1960–1975 годы. Исследовано включение биологических ресурсов в новый экономический контекст. Автор ответил на вопросы о том, как менялось значение биологических ресурсов для общегосударственных и региональных экономических и политических институтов, экспертного сообщества, местного населения, охарактеризовав институциональную основу их использования и охраны. На освоение биологических ресурсов Югры в 1960–1975 годы негативно повлияло широко-масштабное развитие добывающей промышленности. Отрасли, опиравшиеся на использование биологических ресурсов, утратили свое самостоятельное экономическое значение, полностью подчинившись задачам и нуждам, в первую очередь нефтедобывающей отрасли. Рыболовство, охота, лесное хозяйство стали носить вспомогательный характер в экономике Югры. В целях эффективного освоения биологических ресурсов Сибирского Севера, сохранения природной среды региона была необходима разработка региональной политики во всех ее аспектах: экономическом, научном, экологическом и так далее. В советский период этого сделано не было. Данный исторический опыт необходимо учитывать на современном этапе освоения Севера.

**Ключевые слова:** СССР, север, биологические ресурсы, экологическая история

**Шифр специальности:** 5.6.1. Отечественная история.

**Для цитирования:** Гололобов Е. И. Государственная политика по освоению биологических ресурсов Югры в 1960–1975 годы // Северный регион: наука, образование, культура. 2024. Т. 25, № 4. С. 120–128. <https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-4-12>.

Original article

## State policy on the exploration of biological resources of Yugra in 1960–1975

**Evgeniy I. Gololobov**

Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia

[gololobov.eig@yandex.ru](mailto:gololobov.eig@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0002-4512-2461>

**Abstract.** The aim of the article is to show the process of natural resources exploration as a clash between traditional and modernisation models of development of the North of Siberia on the example of the ecological history of Yugra in the 20th century. The methods of historical research, source analysis and synthesis were used to achieve this aim.

Evidence shows this process was most active in the North of Western Siberia, specifically in Yugra, between 1960–1975. The inclusion of biological resources in the new economic context is studied. Characterising the institutional basis of use and protection, the author answered questions on how the significance of biological resources changed for national and regional economic and political institutions, the expert community, and the local population. The large-scale development of the extractive industry negatively affected

the development of Yugra's biological resources in 1960–1975. The industries that relied on the use of biological resources lost their independent economic significance, being completely subjected to the objectives and needs, first of all, of the oil industry. Fishing, hunting, forestry became auxiliary in the economy of Yugra. Effectively developing the biological resources of the Siberian North and preserving the natural environment of the region required developing a regional policy in all its aspects: economic, scientific, ecological, etc. This task remained uncompleted during the Soviet period. The present stage of the North's development requires consideration of this historical experience.

**Keywords:** USSR, north, biological resources, ecological history

**Code:** 5.6.1. Russian History.

**For citation:** Gololobov E. I. State policy on the exploration of biological resources of Yugra in 1960–1975. *Severny region: nauka, obrazovanie, kultura*. 2024;25(4):120–128. <https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-4-12>.

## ВВЕДЕНИЕ

Процесс освоения Сибири в XX в. имел социальное, экономическое и экологическое измерение. Движение в Сибирь всегда было связано с освоением ее богатых природных ресурсов. В XX веке, по большей части, это движение было направлено на север и северо-восток Сибири, цель которого заключалась в добыче полезных ископаемых (нефть, газ, алмазы, цветные и драгоценные металлы). В основе освоения природных ресурсов Союза Советских Социалистических Республик (СССР), и Севера Сибири в частности, лежал «индустриальный стандарт». Индустриальный стандарт хозяйственного освоения территории – это развитие промышленности, товарного сельского хозяйства, инфраструктуры транспорта и связи, урбанизации. Следовательно, территории, имевшие все вышеперечисленное, считались развитыми, не имевшие – отсталыми. С этих позиций государственные органы власти рассматривали освоение биологических ресурсов, тесно связанных с коренными народами Севера (КМНС).

Придя на Север Сибири, русские раздвигали границы своего мира, поглощая другие, чуждые, нерусские миры. Коренные народы Севера оказались не единственным «другим», с которым столкнулось восточнославянское аграрное общество. Настолько же чуждым для него оказалась и северная природа, не дававшая возможности развивать земледелие (зерновое, производящее хозяйство). По справедливому замечанию Юрия Слезкина, столкновение культур не может быть

полностью описано только в терминах угнетения; колониальные представления не могут быть целиком сведены к «грубому политическому факту» колониализма [1, с. 18].

Это важное, но не достаточное условие более глубокого понимания роли коренных народов Севера Сибири в истории России. Полноправным участником описания этого исторического процесса должна стать природа Севера. Этапы особенного пути КМНС – иноземец, иноверец, инородец, нацмен, первобытный коммунист, последний абориген – необходимо рассматривать во взаимодействии человека и природы [1]. Северные хозяйства оставались составной частью природных экологических систем в отличие от сельских хозяйств средней полосы, где сами экологические системы подверглись изменению. В связи с этим социально-экономические изменения на Севере невозможны были без преобразования самой северной природы, которая из «врага» (суровая, малопригодная для жизни, неосвоенная человеком) должна была превратиться в «друга» (источник ценных ресурсов, освоенных человеком).

Роль природных ресурсов Севера Сибири была разной в экономическом плане: она то возрастала, то снижалась в зависимости от исторических обстоятельств, внешних и внутренних факторов, влиявших на развитие страны. Тем не менее, начиная с XVII в. природные ресурсы Севера стали частью экономики Российского, а затем и Советского государства. По мере этого движения во времени и пространстве процесс освоения ресурсов Севера и преобразования его природы

в целом приобрел не только сугубо утилитарное, экономическое, но и ярко выраженное политическое, «цивилизационное» значение в XX в., особенно во второй его половине.

На примере экологической истории Югры 1960–1975 гг. как наиболее быстро индустриализированной территории таежной зоны Западной Сибири можно проследить процесс включения биологических ресурсов в новый экономический контекст, ответить на вопросы о том, как менялось значение биологических ресурсов для общегосударственных и региональных экономических и политических институтов, экспертного сообщества, местного населения, охарактеризовав институциональную основу их использования и охраны.

### МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В отечественной историографии глубоко изучена экологическая история развития традиционных хозяйственных отраслей (рыболовство, охота, использование ресурсов леса) Севера Западной Сибири в условиях активного индустриального освоения региона [2–4]. Традиционная модель опиралась на освоение биологических ресурсов (охота, рыболовство, дары леса). Для этой модели природа – субъект, с которым вступают во взаимодействие для поддержания баланса в большей или меньшей степени. В XX в. эта модель стала стремительно замещаться модернизационной моделью освоения природных ресурсов. Модернизационная модель опиралась на постоянно растущую добычу полезных ископаемых. Для нее природа – объект, который необходимо использовать как можно эффективнее для решения экономических и идеологических задач. Критериями рациональности в советский период выступало безусловное выполнение и перевыполнение экономических плановых показателей. Особенно ярко это проявилось в 1960–1975 гг. в период становления и активного роста нефтедобывающей промышленности Западной Сибири, центром которой стала Югра.

Для реализации поставленной цели использовались методы исторического исследования, источниковедческого анализа и синтеза.

### РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В указанных в статье хронологических рамках индустриальное развитие Югры носило взрывной характер. Стремительными темпами росла добыча нефти, в строй вводилось большое количество промышленных предприятий. Развивалась городская и транспортная инфраструктура. Регион становился промышленным и урбанизированным. Это, безусловно, отразилось и на состоянии биологических ресурсов региона, и на состоянии природы в целом. Коренные народы Севера слабо вписывались в новые реалии жизни. Нужно было преобразовать их быт, образ жизни, включить КМНС в процесс социальных преобразований. Сделать это можно было путем «индустриализации» традиционных промыслов, базировавшихся на освоении и использовании биологических ресурсов региона. Государственные и партийные органы власти рассматривали интенсификацию северного промыслового хозяйства как основное направление «социалистической реконструкции» жизни коренных северян [5, с. 18].

Северные хозяйства не были самостоятельны в экономическом плане. В области сбыта продукции они зависели от различных организаций, подчинявшихся не местному руководству сельского и промыслового хозяйства, а вышестоящим инстанциям. Госпромхозы в административно-финансовом плане подчинялись Главохоте РСФСР. Получаемая ими прибыль поступала туда же. Рыбу совхозы сдавали на рыбзаводы, находившиеся в подчинении областных и окружных органов Минрыбхоза. Северные хозяйства вкладывали усилия в освоение пастбищных и промысловых ресурсов, но прибыль от этого получали территориальные органы союзных министерств. Средства, выделяемые на планомерное социально-экономическое развитие территорий расселения народов Севера, оседали в области или крае, а автономные округа получали государственные дотации для покрытия убытков совхозов. Северные хозяйства были лишены права самостоятельного распределения капитальных вложений, развития своих обрабатывающих производств и сбыта продукции [6].

Областные и окружные комитеты Коммунистической партии Советского Союза и исполнительные комитеты депутатов трудящихся (региональные органы власти) были всецело заняты решением главной задачи – созданием индустриальной инфраструктуры и обеспечением постоянного роста добычи нефти и газа. Они взаимодействовали с союзными министерствами геологии, нефтяной и газовой промышленности и их главками: Главтюменьгеология, Главтюменьнефтегаз, Главтюменьгазпром. Не имея прямого отношения к этому процессу, коренные народы Севера с биоресурсами как основой их экономического существования оказывались лишним звеном в этой административно-хозяйственной цепочке. Министерства, занимавшиеся экономическим развитием Севера, не отвечали перед местной администрацией, а местная администрация, всецело зависевшая от выполнения плана, не отвечала на требования коренного населения, которое обеспечивало ничтожно малую долю региональной продукции.

На основе интенсификации и автоматизации освоения биоресурсов революцию в жизни аборигенов Севера произвести не удалось. Преобразовать природу, превратить ее в окружающую среду смогли минеральные ресурсы, полезные ископаемые – нефть и газ. Так как модернизация Севера осуществлялась через его индустриализацию, следовательно, чем меньше тот или иной биологический ресурс традиционного северного хозяйства вписывался в индустриальную модель освоения, тем меньше он имел значения для советской экономики. Еще менее важными в экономическом и культурном плане были хозяйственные навыки северян. Нужен был человек – носитель «индустриального стандарта». «Героическим покорителем» сибирских северных просторов стал трудовой мигрант, переселенец [7, с. 17]. Изменение демографической ситуации в таежной зоне Западной Сибири в пользу русского населения произошло еще в XVIII в. Во второй половине XX в. стремительное освоение нефтяных и газовых месторождений сделало

его абсолютным и необратимым [8]. Доля коренного населения в Югре сократилась с 14,5 % до 3,2 % [1, с. 383]. Изменился не только национальный состав, кардинальные перемены произошли в социальной и профессиональной структуре населения. Городские промышленные рабочие, инженерно-технические работники и служащие стали преобладать над сельским промысловым населением [6, с. 168].

Индустриализация Севера, основанная на эксплуатации сырьевых ресурсов, неминуемо порождала их иерархию. Это касалось и научного знания о ресурсах. На верхних позициях этой иерархии оказывались нефть и газ, обладавшие большей прибавочной стоимостью и мощным преобразовательным эффектом, превращавшем пространство природы Севера в территорию окружающей среды, природный ландшафт в индустриальный и урбанизированный. В этой ситуации биологические ресурсы и опиравшееся на них традиционное промысловое хозяйство аборигенов Севера проигрывало конкуренцию нефти и газу как в экономическом, так и в «цивилизационном», «миссионерском» плане. Чем меньше тот или иной биологический ресурс традиционного северного хозяйства вписывался в индустриальную модель освоения, тем меньше он имел значения для советской экономики.

Непременным условием индустриального движения на Север Западной Сибири стало изучение его природы, а точнее природных ресурсов. Дикая, принявшая «суровые неприступные формы», «чужая» северная природа была неизвестной. Советская наука практически ничего не знала о ней, не имея точных данных о природных ресурсах и возможностях их освоения. Комиссия по проблемам Севера при Президиуме Академии наук СССР, получившая в 1960 г. статус межведомственной, была создана только в 1954 г. Возглавил ее академик Н. Н. Некрасов [4, с. 18]. Несмотря на «разговоры» на всех уровнях государственного управления во второй половине XX в. о комплексном освоении ресурсов Севера, в том числе и биологических, последние никогда не входили в приоритеты центральных, региональных и местных властей.

Это отражалось на научных институтах, которые занимались изучением биологических ресурсов. В качестве примера необходимо обратиться к документам. Протокол № 25 заседания бюро Тюменского обкома КПСС от 26 ноября 1975 г., в котором рассматривался вопрос «О работе партийной организации научно-исследовательского и проектно-конструкторского института рыбного хозяйства по повышению эффективности проектных и научных разработок и ускорению технического прогресса в рыбной промышленности» [9], достаточно типичен для рассматриваемого периода, наглядно показывает содержание деятельности института. Документ имеет традиционную для советского периода структуру. Сначала речь идет о достижениях, затем о недостатках, и заключительная часть содержит рекомендации по преодолению негативных сторон деятельности института.

В первой части документа отмечено, что за годы девятой пятилетки (1971–1975) институт выполнял научно-исследовательские работы по проблемам: рыбохозяйственного освоения рек и водохранилищ, рациональной эксплуатации озер, выращивания рыбы в термальных и геотермальных водах в условиях Сибири, совершенствования методов промышленного рыболовства и ряд других. Многие рекомендации института были внедрены в промышленность. На опыте Казанского завода была подтверждена возможность поднять рыбопродуктивность озер с 5–20 до 50–200 кг с га. Было закончено строительство Пышминского рыбоводного завода на геотермальных водах с применением технологии, разработанной институтом. Сотрудники института выполнили расчеты и рабочие чертежи электрорыбозаградителей, успешно прошедших опытно-промышленные испытания, проектов по объектам рыбохозяйственного назначения, промышленных зданий и сооружений, средств механизации производственных процессов в рыбоводстве и рыболовстве и новых типов судов. За выполнение этих работ 11 сотрудников института были отмечены медалями Выставки достижений народного хозяйства.

Вместе с тем в документе отмечалось наличие крупных недостатков в работе партийной организации института. Институт не занял ведущей роли в определении курса развития рыбной промышленности [9]. В планы научно-исследовательских работ института включались темы, не имевшие актуального значения для рыбного хозяйства области, редко планировались работы по механизации и автоматизации производственных процессов. Институт не был тесно связан с производством, медленно решал вопросы технического прогресса в отрасли. В период с 1976 г. по 1980 г. не было защищено ни одной кандидатской диссертации. В институте учились в аспирантуре всего 6 человек, инженерные должности занимали 16 практиков. Институт не был укомплектован кадрами. Конкурсы на их замещение не проводились. За 1973–1975 гг. пополнение института инженерными кадрами через Министерство рыбного хозяйства РСФСР ухудшилось. Из 30 заявленных специалистов институт получил только троих. Проектно-сметная документация зачастую выдавалась несвоевременно, низкого качества, с использованием устаревших конструкций и технологий [9].

В постановлении по рассматриваемому вопросу было указано, что надо повысить актуальность научных и проектных работ и их эффективность, нужны предложения по укреплению сырьевой базы бассейна, росту объемов добычи рыбы, повышению качества и расширению ассортимента продукции [9]. Партийная организация института должна была работать в этом направлении. Очевидно, что достижения носили точечный, конкретный характер, а проблемы – системный. Не хватало квалифицированных кадров, они не шли в институт, не было современной научно-технической базы для осуществления эффективной научной деятельности. Во многом это связано с недостаточным финансированием и несоответствием имевшейся материальной базы и теми задачами, которые ставились региональными властями перед институтом. Это лишний раз доказало второстепенность биологических ресурсов Севера

Сибири для советской экономики второй половины XX в.

Серьезные негативные последствия на освоение биологических ресурсов оказало загрязнение природной среды в результате интенсивной добычи полезных ископаемых. В полной мере это ощутила на себе Югра. Повышение антропогенного, техногенного воздействия на окружающую среду, с одной стороны, и слабая природоохранная деятельность – с другой, привели к резкому ухудшению санитарного состояния почв, воздушного и водного бассейнов северных территорий Сибири. Положение усугублялось неустойчивым экологическим равновесием, свойственным регионам Севера. Основным источником загрязнения природной среды Севера являлись предприятия цветной и черной металлургии, энергетики, угольной, нефтяной, нефтехимической, химической промышленности, автомобильный транспорт. Отрицательное влияние на состояние водного бассейна оказывали бытовые и сельскохозяйственные стоки, молевой сплав леса [10]. Молевой сплав леса – это способ доставки леса россыпью, отдельными бревнами. В результате такого способа транспортировки леса свободно плывущие по реке бревна быстро намокают и опускаются на дно, что наносит ущерб речной экосистеме. Почвы и воды Югры также загрязнялись нефтью и нефтепродуктами.

Непрерывно возраставшее водопотребление вызывало истощение водных источников, а недостаточность мероприятий по очистке сточных вод от вредных веществ являлась причиной увеличения степени загрязнения водного бассейна региона. Ситуация для Югры усугублялась еще и тем, что крупные реки Западной Сибири Обь, Иртыш и их притоки в рассматриваемый период были загрязнены практически на всем протяжении. В верхнем течении Оби вследствие недостаточной очистки сточных вод гг. Барнаула, Бийска, Рубцовска, содержание нефтепродуктов и фенолов в десятки раз превышало предельно допустимую концентрацию (ПДК), наблюдалось высокое содержание органических соединений и некоторых тяжелых металлов. Река Томь и среднее течение Оби были

загрязнены стоками предприятий металлургической, коксохимической, химической, угольной промышленности Кузбасса.

Интенсивное развитие нефтяной, газовой и других отраслей народного хозяйства в Тюменской и Томской областях значительно расширило и продвинуло на север границы промышленных загрязнений Оби. Основными источниками загрязнений р. Иртыш являлись нефтеперерабатывающий завод, химические и нефтехимические предприятия Омска. Средние и малые реки Западной Сибири, расположенные в зонах крупных промышленных центров, вследствие малой водоносности и значительного количества загрязняющих веществ, поступающими со сточными водами, не справлялись с нагрузкой. Содержание вредных веществ в них в десятки раз превышало ПДК [10].

В результате общий объем вылова рыбы, несмотря на качественное улучшение орудий лова, технической оснащенности промысловиков, в конце 1960-х – начале 1970-х гг. в Югре резко снизился. Рыбная отрасль, бывшая долгое время экономической доминантой Севера Западной Сибири, утратила свое хозяйственное значение. Естественные ресурсы водоемов и главных рек были существенно подорваны и не могли постоянно давать увеличение объемов добываемой рыбы. Вектор развития отрасли смещался от рыболовства к рыбоводству, рыборазведению и аквакультуре. В охотничьем хозяйстве региона этот переход произошел еще раньше. В Ханты-Мансийском округе уже с середины 1950-х гг. в заготовках пушнины главную роль играло звероводство, а не охота. Промысловые хозяйства, как и рыболовецкие, также страдали от промышленных загрязнений и сокращения территорий, пригодных для ведения охоты. Несмотря на развитие звероводства, экономическое значение охотничьего хозяйства также резко упало.

Активное освоение полезных ископаемых региона приводило также к росту заготовки древесины. Однако ее рациональное и эффективное использование не было должным образом налажено. Это негативно отражалось на охоте и рыболовстве. Промышленные

предприятия активно вырубали лес, мало его использовали и не заботились о рекультивации территории. Лесоохрана была малочисленна и слабо оснащена. Директор Сургутского лесхоза Г. П. Хомяков так характеризовал складывавшуюся ситуацию: «Если 10–15 лет назад лесная охрана была на равных со всеми заготовителями в смысле транспорта (те и другие имели лошадей), когда заготовка леса не превышала 10 км от любого населенного пункта, теперь же древесину везут с 50–70 км на высоко проходимом быстроходном транспорте. Лесная охрана не имеет ничего: для лошадей санных дорог нет, за десятки километров на лошади не поедешь, за машиной на лошади не угонишься, поэтому у нас нередко население уходит от ответственности за лесонарушения» [11].

Очень часто органы милиции отказывали в привлечении виновных к ответственности по мотивам недоказанности причастности задержанных к рубке. Такая же ситуация складывалась с привлечением к уголовной ответственности виновных в возникновении лесных пожаров. Директор Сургутского лесхоза, выступая на сессии Сургутского районного Совета депутатов трудящихся в 1973 г., отмечал, что за двадцатилетие его работы в Сургуте из нескольких десятков дел, переданных милиции по лесным пожарам и лесонарушениям, к ответственности не был привлечен ни один человек. Отказывали на следующих основаниях: «малочисленности ущерба», «виновник не установлен», «не указаны свидетели», «лесхоз не приложил показания свидетелей». Но лесхоз и не мог предоставить эти материалы. Показания свидетелей могут быть получены только в результате следственных действий. Это задача органов дознания. Естественно, что лесная охрана органом дознания не являлась. Вспомнил Г. П. Хомяков только один случай, когда виновник пожара был приговорен к двум годам лишения свободы с возмещением стоимости сгоревших дров. Дрова эти принадлежали милиции: «Из милиции пришли и спросили, не могли бы вы предположительно назвать виновников. Назвали и дело решилось оперативно» [11].

Иллюстративен следующий пример нерационального, во многом преступного отношения предприятий к ценной древесине. В Сургутском районе велико значение кедровых лесов. Несмотря на то, что кедр представлял собой подлинную народно-хозяйственную ценность и оберегался населением с давних пор, в районе наблюдались случаи, когда отдельными лесопользователями без отвода участков вырубался кедр в лесах первой группы, выполнявших водоохранно-защитные, санитарно-гигиенические и оздоровительные функции. Руководители предприятий не понимали или не хотели понять того, что кедровые древостои являлись кормовой базой пушного зверя и богатым источником пищевого продукта в виде кедровых орехов. Тревога за судьбу кедра у властей и общественных организаций усугублялась еще и тем, что он не возобновляется естественным путем на сплошных вырубках, а эффективных методов искусственного возобновления его в тот период не было найдено. Особенно хищнически истреблялся кедр в лесах первой группы строителями железной дороги пос. Салым. За нарушение правил заготовки древесины Сургутским и Куль-Еганским лесхозами только в 1972 г. было взыскано неустойки с лесопользователей в сумме 694 тыс. руб. [12]. Но эти штрафы не влияли на деятельность предприятий, на систему премиальной оплаты их руководящего состава.

В итоге на освоение биологических ресурсов Югры в 1960–1975 гг. активное развитие добывающей промышленности отразилось негативным образом. По сути дела, они утратили свое самостоятельное экономическое значение, полностью подчиняясь задачам и нуждам, в первую очередь нефтедобывающей отрасли. Отрасли, основанные на использовании биологических ресурсов, стали носить вспомогательный характер. На самом высоком государственном уровне декларировалась необходимость комплексного подхода к изучению и освоению ресурсов региона: «... проблемы развития народного хозяйства этого района не могут быть решены без широкого комплексного изучения его природ-

ных условий и ресурсов, с целью определения его основных направлений и разработки взаимно увязанных схем их освоения и хозяйственного строительства. Изолированное (или с недостаточным учетом интересов комплекса), рассмотрение вопросов использования отдельных видов ресурсов Обского Севера может привести к необоснованным с народнохозяйственной точки зрения решениям и нанести серьезный ущерб экономике страны» [13]. Но выполнена эта задача не была.

### ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В отношении государственной политики освоения биологических ресурсов Югры важно, что в 1960–1975 гг. произошел окончательный переход экономической модели освоения природных ресурсов региона от традиционной модели, опиравшейся на освоение биологических ресурсов (охота, рыболовство, лесное хозяйство) к модернизационной мо-

дели, построенной на интенсивной добыче полезных ископаемых. Биологические ресурсы, являвшиеся основой экономики Югры вплоть до второй половины XX в., в дальнейшем потеряли свое самостоятельное хозяйственное значение. Ухудшение экологической ситуации, рост промышленных загрязнений окружающей среды, идеологическая нацеленность партийных и государственных органов власти на преобразование природы, ее покорение объективно отодвигали на второй план отрасли хозяйства, основанные на использовании биологических ресурсов. Для реализации своих идеологических и экономических задач государство сделало ставку на ресурсы с более мощным преобразовательным, модернизационным потенциалом – полезные ископаемые. Это негативно отразилось на комплексном использовании природных ресурсов в целом и биологических ресурсов в частности.

### Список источников

1. Слёзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 509 с.
2. Гололобов Е. И., Мостовенко М. С. Рыболовное и охотничье хозяйство Севера Западной Сибири в 1960–1980-е гг.: от промысла – к отрасли // Вестник угроведения. 2016. № 3. С. 111–123.
3. Гололобов Е. И. Охотничье хозяйство Сибирского Севера в экономической системе СССР в 1950–1980-е годы // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2016. № 6. С. 33–40.
4. Гололобов Е. И., Мостовенко М. С. Становление и развитие научных исследований в сфере изучения биоресурсов Севера Западной Сибири в 1960–80-е гг. // Вестник Нижневарттовского государственного университета. 2017. № 2. С. 17–24.
5. Тюрденев А. П., Андреев В. Н. Основные направления в развитии сельского и промыслового хозяйства Севера СССР // Проблемы Севера. 1968. Вып. 13. С. 7–39.
6. Народы Советского Севера / отв. ред. И. С. Гурвич, З. П. Соколова. М. : Наука, 1991. 260 с.
7. Социально-экономические проблемы Севера : науч. докл. Свердловск : УНЦ АН СССР, 1985. 45 с.
8. Кросби А. У. Экологический империализм: трансатлантическая миграция западных европейцев как биологический феномен // Человек и природа: экологическая история : сб. / под общ. ред. Д. Александрова, Ф.-Й. Брюггемаера, Ю. Лаус.

### References

1. Slezkine Yu. Arctic mirrors: Russia and the small peoples of the North. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2008. 509 p. (In Russ.).
2. Gololobov E. I., Mostovenko M. S. Fishing and hunting in the North of Western Siberia in the period of 1960–1980ies: from craft to industry. *Bulletin of Ugric studies*. 2016;(3):111–123. (In Russ.).
3. Gololobov E. I. The Siberian North hunting industry in the economy of USSR in 1950th – 1980th. *Bulletin of Surgut State Pedagogical University*. 2016;(6):33–40. (In Russ.).
4. Gololobov E. I., Mostovenko M. S. Establishment and development of scientific research of biore-sources of the Northern part of Western Siberia in 1960s – 1980s. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*. 2017;(2):17–24. (In Russ.).
5. Tyurdenev A. P., Andreev V. N. Osnovnye napravleniya v razvitii selskogo i promyslovogo khozyaystva Severa SSSR. *Problemy Severa*. 1968;(13):7–39. (In Russ.).
6. Gurvich I. S., Sokolova Z. P., eds. *Narody Sovetskogo Severa*. Moscow: Nauka; 1991. 260 p. (In Russ.).
7. *Sotsialno-ekonomicheskie problemy Severa: Scientific report*. Sverdlovsk: UNTs AN SSSR; 1985. 45 p. (In Russ.).
8. Krosbi A. U. Ekologicheskii imperIALIZM: transatlanticheskaya migratsiya zapadnykh evropeytsev kak biologicheskii fenomen. Chelovek i priroda: ekologicheskaya istoriya. Aleksandrov D., Bryuggemaer F. Y., Laus Yu., eds. Saint Petersburg: European University at Saint Petersburg; 2008. P. 161–179. (In Russ.).



- СПб. : Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2008. С. 161–179.
9. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области» (ГАСПИТО). Ф. П-124. Оп. 1. Д. 6037. Л. 9–11.
10. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 399. Оп. 3. Д. 1880. Л. 167.
11. СГА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 305. Л. 181.
12. СГА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 305. Л. 202.
13. РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 1118. Л. 38.
9. State Archive of Social and Political History of the Tyumen Oblast (GASPITO). F. P-124. Op. 1. D. 6037. L. 9–11. (In Russ.).
10. Russian State Archive of Economics (RGAE). F. 399. Op. 3. D. 1880. L. 167. (In Russ.).
11. SGA. F. 1. Op. 1. D. 305. L. 181. (In Russ.).
12. SGA. F. 1. Op. 1. D. 305. L. 202. (In Russ.).
13. Russian State Archive of Economics (RGAE). F. 399. Op. 3. D. 1118. L. 38. (In Russ.).

#### Информация об авторе

**Е. И. Гололобов** – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник.

#### About the author

**E. I. Gololobov** – Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Researcher.